

Проф. Г. В. СЕРГИЕВСКИЙ

О ПОСТРОЕНИИ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ В «ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА» АН СССР

Подготовка издания марксистской «Всемирной истории» — очень ответственная задача. Подлинно-научная «Всемирная история» не только должна подытожить всю массу накопленных знаний по истории человечества; она должна быть боевым оружием в борьбе против идеалистических исторических концепций, за марксистско-ленинскую историческую науку.

В отличие от появляющихся в последние годы буржуазных трудов по всемирной истории, издание Академии наук должно охватить исторический процесс в целом, от базиса до настроек, и дать ясное представление о закономерностях исторического развития человечества к последней фазе общества — коммунизму.

Другая особенность нашей «Всемирной истории» в том, что она, в отличие от европоцентризма и ограниченности буржуазных публикаций, должна стать подлинно-всемирной, уделяя внимание всем народам, а не лишь той или иной избранной группе народов.

Осуществление задачи, поставленной перед нашими историками, требует мобилизации всех кадров и постоянной помощи и контроля со стороны нашей научной общественности. Поэтому надо приветствовать опубликование в «Историке-марксисте» предварительных схем «Историй народов СССР» и «Истории древнего мира».

Руководство Института истории исходило при установлении периодизации «Всемирной истории» из необходимости сочетания хронологического и синхронистического принципов с принципом смены социально-экономических формаций — первобытно-общинного (доклассового) общества, рабовладельческого общества, феодализма, капитализма, коммунизма.

И в соответствии с этим принципом история древнего мира, охватывающая страны древнего Востока, Грецию и Рим, должна составлять особый раздел издания. В этом разделе на древний Восток отведен один том, на историю Греции (в собственном смысле слова) — один том, на эллинизм — один том и на историю Рима — два тома.

В схематическом плане тома по истории Греции предположены четыре раздела: введение, начальный и архаический период, классическая эпоха, кризис. Все эти четыре раздела охватывают историю греческих племен и полисов от «этногенеза и вопроса о древнейшей миграции» до Александра Македонского (включительно).

На долю введения приходится следующие основные вопросы:

Источники. Историография. Географический очерк. Этногенез. Вопрос о древнейшей миграции.

В плане нет никаких указаний на то, как будут трактоваться поставленные вопросы.

Между тем, даже такой, казалось бы, бесспорный вопрос, как источниковедение или историография, может быть дан весьма различно, в зависимости от характера издания. В трудах покойного акад. В. П. Бузескула под скромным названием «Введение в историю Греции» обзор источников и очерк историографии занимает целый том размером свыше 500 страниц. В томе, посвященном истории Эллинизма в разбираемом нами проспекте «Шеститомника», уже по-иному расположен материал аналогичного введения: здесь глава I отведена для истории науки и историографии, а в главе II более подробно указаны источники, к которым вполне резонно отнесены и данные археологических раскопок. Можно только догадываться, что и в томе «Древняя Греция» история археологических раскопок будет отнесена к «источникам».

В связи с вопросом об источниках мы считаем своевременным поставить на обсуждение предложение: выделить разделы источниковедения и историографии по каждому из основных разделов «Истории древнего мира» в особые выпуски; в основных же томах истории ограничиться помещением более или менее полного библиографического аппарата с критическими замечаниями в конце или в начале каждого раздела. Дело в том, что в советской литературе по вопросам источниковедения или историографии древнего мира нет ни одной общей работы, кроме журнальных статей, трудно доступных массовому читателю. Интересующимся этими вопросами приходится обращаться к немарксистским дореволюционным произведениям В. П. Бузескула или И. В. Нетушила (по римской историографии), но и их получить, особенно в провинции, хотя бы для справок—крайне трудно. Между тем, круг читателей даже для этого специального раздела у нас достаточно широк и не только среди преподавателей и студентов вузов: этими вопросами интересуются и широкие круги учителей-историков, и пропагандисты, и передовые комсомольцы, и многие другие.

Вернемся, однако, к программе издания. За «историей науки» следует «географический очерк». Спрашивается: чего и когда? Должен ли здесь быть дан очерк только материковой Греции, или островов также, или всей греческой «ойкумены»? И к какому тысячелетию или столетию надо отнести данные, например, о полезных ископаемых? При составлении такого, рассчитанного на все времена и пространства, географического очерка авторы всегда рискуют впасть в крайность. Так, в вышедших за последние годы учебных курсах по истории древней Греции у проф. В. С. Сергеева (издание 1934 г.)—«естественными богатствами в общем Греция небогата»¹. другие же, наоборот, говорят о естественных богатствах Греции. Это противоречие происходит оттого, что проф. Сергеев не включает Македонию и Фракию в географическое понятие Греции. Во избежание подобных недоразумений, не пора ли отойти от традиционного для старых учебников географического очерка той или иной страны в начале книги и давать краткие географические характеристики отдельных областей той же Греции, но на своем месте, т. е. перед рассказом о конкретных событиях гражданской истории той или иной самостоятельной области. Такой прин-

¹ В. С. Сергеев—История древней Греции, 1934, стр. 5.

цип применен в «Греческой истории» Г. Глоца. Географическая характеристика той или иной местности, втягиваемой во всемирно-исторический процесс развития, значительно выигрывает от большей конкретизации данных, ярче запечатлевается в памяти читателя, способствует выявлению причин прогресса или отсталости изучаемого племени или народа. Но такой принцип, по нашему мнению, не исключает возможности давать в начале большого раздела мировой истории, например истории Востока или той же Греции, общий очерк историко-географической среды, окружавшей Грецию во II или I тысячелетии до н. э., и выяснить для читателя географические особенности всего Средиземноморья, в пределах которого развивается в дальнейшем история Греции. Сопоставляя опять проспект тома «Греции» с таковым по разделу «Эллинизм», мы не находим в последнем указаний на общую географическую характеристику районов распространения эллинизма, зато в каждой главе, в отличие от плана изложения собственно-греческой истории, мы найдем географические обзоры отдельных государств или провинций, выделявшихся постепенно в самостоятельные государства из бывшей мировой монархии Александра Македонского. Составители этой части плана шеститомника древней истории полностью стояли на позициях, принятых по этому вопросу у Г. Глоца.

Совершеннейшей загадкой остаются параграфы о «древнейшем населении» и о «межплеменных передвижениях в свете античной традиции». В каком направлении составители плана хотели бы дать разрешение этих сложных для Греции проблем,—указаний нет. А между тем, именно в таких вопросах ярче всего должна сказаться боевая установка нашего издания, направленного против челоноконенавистнического извращения истории фашистскими фальсификаторами. Фашистская историография нигде не напустила так много туману, как именно в вопросах образования племен и рас, причем история древней Греции издавна служила для буржуазной науки излюбленным местом для упражнений по «арийскому» вопросу, что можно проследить едва ли не со времени Н. К. Мюллера, выпустившего еще в 1824 г. двухтомное исследование о дорянах. Следовало бы даже и в «схематическом плане» дать представление об отношении авторов плана к этому актуальному вопросу греческой истории, от решения которого зависит объяснение «греческого чуда», открытого Э. Ренаном и развенчиваемого советским академиком Н. Я. Марром и его школой.

Таковы вопросы, вызываемые формулировками введения к разбираемому нами тому.

Когда мы обращаемся к основному содержанию тома, бросается в глаза крайняя неравномерность в разработке плана отдельных глав и нечеткость некоторых определений.

Крайне «схематический» план главы I первого отдела совершенно не раскрывает содержания этой главы. Поскольку в схеме речь идет об «истории родовых обществ в материковой и островной Греции», крито-микенское общество трактуется с точки зрения проф. Богаевского, достаточно известной по его главе о крито-микенской эпохе в «Истории древнего мира» ГАИМК¹. Поскольку эта точка зрения не получила признания советской научной общественности, необходимо предварительно подвергнуть вопрос о крито-микенской культуре широкому обсуждению, прежде чем приступить к составлению данной главы. Такой подход единственно возможен для успешного разрешения ряда проблем, стоящих перед совет-

¹ «Историк-марксист», 1937, № 3, стр. 21.

ской историографией, и хотя издание «Всемирной истории» рассчитано более чем на пятилетку и параллельный изданию рост кадров историков, однако, чем скорее Институт истории Академии наук организует соответствующие дискуссии, тем полезнее будет для советской, молодой еще по существу, исторической науки.

К числу таких дискуссионных вопросов относится и самая периодизация истории древней Греции. Предлагаемая схема определяет «классическую эпоху (расцвет рабовладельческого общества)», занимающую весь отдел второй данного тома, временем от греко-персидских войн до Пелопоннесской войны, т. е. всего примерно 65—70 годами V в. до н. э. До этого «расцвета» Греция переживает более тысячелетия «становление рабовладельческого общества» и после «расцвета»,—кризис и разложение в течение двух с половиной веков. И в каком отношении находится этот кризис к македонско-эллинистическому периоду, также мало понятно из разработанного института плана.

Неверно было бы огулом относить Спарту, которой отведено скромное место в главе VI наряду с Критом, Фессалией и Беотией, к группе отсталых земледельческих областей. Если в VI или V вв. Спарта действительно отстала от перегнавших ее передовых торгово-промышленных полисов, то в свое время, в начале становления рабовладельческого общества в Греции, Спарта является едва ли не одной из наиболее передовых общин. Отсталость—понятие относительное, и берется оно здесь авторами плана опять-таки под углом зрения «греческого чуда», без попытки дать конкретный анализ гражданской истории каждой области Греции; достаточно напомнить, что назвать Спарту исключительно отсталой в период ее гегемонии в IV в. до н. э. вряд ли было бы правильно.

Так же слабо, как положение «отсталых областей Греции», разработаны в плане вопросы об истории греческой колониальной периферии, как западной, так и восточной. В этом отношении «схематический план» тома о Греции значительно уступает более детально разработанному плану тома об эллинизме. По существу в плане содержатся: сравнительно подробное изложение истории государства афинского в VII—IV вв., внешнеполитические отношения, в которых те же Афины играют известную роль, и «обзоры истории техники, науки, литературы и искусства» по каждому большому разделу. Такую всестороннюю характеристику идеологических надстроек, конечно, можно только приветствовать, но при условии, если экскурсии в область истории литературы, искусства или философии не отодвинут на второй план собственно «гражданскую историю» древнегреческих городов-государств во всем ее конкретном многообразии.

В плане тома о Греции не нашел своего отражения принцип строгой синхронности изложения истории различных человеческих обществ. При самом внимательном просмотре нам не удалось обнаружить в схематическом плане истории древней Греции никаких следов внимания авторов плана к окружающим Грецию «человеческим обществам». «Отец истории»—Геродот в этом отношении был, пожалуй, более любознательным, чем составители этого плана; он считал нужным познакомить своих современников со многими окружающими Грецию народами: египтянами, лидийцами, скифами, ливийцами и др. В истории же, претендующей на наименование «всемирной», составители схемы не нашли места ни для ранней истории Македонии, ни Скифии, ни малоазийских соседей греков, если ограничиться только ближайшей к Греции «варварской» периферией. Авторы плана не учли замечаний товарищей Сталина, Жданова и Кирова от 8 авгу-

ста 1934 г. по поводу «конспекта учебника по истории СССР», который представлял собою «конспект русской истории, а не истории СССР, т. е. истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР». Применительно к древней истории это замечание требует от нас изучения и разработки не только истории древней Греции, а внутри ее—не только истории Афин, но и истории народов, входивших в среду греческого влияния и составивших с течением времени часть эллинистического мира или развившихся самостоятельно, но усвоивших элементы греческой культуры в широком смысле этого слова. В этом отношении далеко впереди авторов разбираемого нами плана ушли составители буржуазной «Всеобщей истории», выпускаемой во Франции под заглавием: «Peuples et Civilisations» («Histoire générale» publiée sous la direction de L. Halphen et Ph. Sagnac).

Там все же содержится попытка, хотя и с неверным освещением, дать понятие о всех разнородных «peuples», с которыми приходилось встречаться ведущим народам античного мира—грекам и римлянам.

В настоящем своем виде схематический план истории древней Греции представляет собой изложение вузовской программы по истории Греции. Отдельные заголовки мало связаны между собой. Возьмем, например, начало главы IX: «Дальнейшее развитие рабской промышленности. Метэки». С чем связывается это «дальнейшее»? Начинаем искать и обнаруживаем в главе IV—«Время разложения родовых отношений—развитие ремесла и рабской промышленности», т. е. в совершенно другом контексте указание на роль рабов в промышленности, резко отличную от таковой в V в.

Конечно, схема не может и не должна заменить конспекта, а потому многое неизбежно остается в ней неясным. Более подробные планы, которые будут разработаны авторами, привлеченными к составлению отдельных глав истории Греции, должны будут полнее раскрыть конкретное содержание тома. Было бы хорошо, если бы и эти планы могли стать достоянием гласности, так, чтобы все наши историки античности могли оказать авторам тома товарищескую помощь в этом ответственном деле.

